

Вынашивание ребенка в мире заклинателей длится всего полгода, но для Сыту Ни эти месяцы стали истинным испытанием. Лишь сегодня, когда дитя в его пурпурном чертоге окончательно сформировалось и покинуло плоть отца, он смог наконец облегченно вздохнуть.

Хэ Сюэчжэнь все время оставался рядом. Он заворуженно наблюдал, как младенец медленно отделяется от обнаженной груди Сыту Ни. Сперва их связывали единые плоть и кожа, но едва тельце ребенка окрепло, связь истончилась, и они безболезненно разделились.

Хэ Сюэчжэнь потянулся было вперед, желая принять новорожденного, но в последний миг робко замер. Ткнув локтем стоявшего подле Сыту Цинхуаня, он негромко буркнул:

— У меня хватка тяжелая. Лучше ты возьми.

Сыту Цинхуань нахмурился:

— Боюсь, я его раздавлю.

Сыту Ни лишь устало закатил глаза. Он споро подхватил сына, обтер его мягким полотном и сам протянул Цинхуаню.

Лишенный воспоминаний и чувств, Цинхуань не понимал, зачем Сыту Ни так отчаянно стремился подарить ему наследника. В его душе не зажглось ни капли отцовской радости. Он лишь безучастно посмотрел на дитя и послушно поклонился:

— Вы проделали тяжелый труд, хозяин.

Звонкий младенческий плач разнесся под сводами пещеры. Ждавшая снаружи Чжао Чжэньчжэнь тут же отозвалась:

— Неужто родился? Ну же, несите его сюда, дайте взглянуть!

Хэ Сюэчжэню пришлось подчиниться. Бережно, словно хрустальный сосуд, он принял младенца и двинулся к выходу. Шаги его были на удивление неловкими — он ступал деревянно, точно марионетка, чьи суставы еще не смазали маслом.

Собравшиеся снаружи гости разразились приветственными криками и благословениями. В воздухе закружился хоровод из лепестков, а в вышине огласили небо пением духовные фениксы. Хэ Сюэчжэнь приподнял ребенка, помедлил мгновение и вдруг легонько прикусил его крошечный круглый носик.

Чжао Чжэньчжэнь звонко рассмеялась:

— И что это за замашки? Гляди, не покалечь кроху!

Родители Сыту Ни тоже недоуменно переглянулись. Опасаясь, что молодой отец по неопытности уронит или прижмет младенца слишком сильно, они протянули руки, намереваясь забрать его.

Вдруг людское море всколыхнулось. Сквозь толпу, уверенно и стремительно, шагнул человек. Здесь собрались искушенные заклинатели, однако неведомая сила с легкостью отбрасывала их в стороны, освобождая ему путь. Никто не мог противостоять его давящему величию.

Руки супругов Сыту зависли в воздухе. Прежде чем они успели коснуться одеяльца, чужая тень скользнула мимо, и в мгновение ока дитя исчезло.

Хэ Сюэчжэнь потрясенно вскинул голову и похолодел:

— Цуй Чжи?! Что ты творишь?!

В это не верилось: у него даже не было шанса помешать краже. Каким образом этот человек умудрился развить свои силы до такой степени? Откуда такое чудовищное могущество? Зачем ему дитя? Что он задумал?

Хэ Сюэчжэнь спешно пробудил духовную энергию. Все его тело натянулось, как струна, готовое к смертоносному броску.

Чжао Чжэньчжэнь и старейшины застыли в оцепенении. Отец Сыту Ни, узнав в незваном госте Цуй Чжи, побелел от гнева и ужаса. Он безумно боялся, что этот безумец причинит крохе вред.

Цуй Чжи, бережно баюкая младенца, отступил на несколько шагов назад, легко покинув кольцо окружения. Не обращая внимания на яростные крики и обнаженные клинки, он завороченно всматривался в крошечное личико.

— Неужели это дитя Сюэчжэня? — негромко пробормотал он. — Совсем на него не похож.

Он осторожно коснулся пальцем пухлой младенческой щеки. К удивлению собравшихся, ребенок вдруг приоткрыл глазки и беззаботно заулюкал, ухватив крошечной ладошкой палец Цуй Чжи и пытаясь потянуть его в рот.

На губах Цуй Чжи промелькнула едва заметная теплая улыбка. Не поднимая взгляду, он негромко произнес, обращаясь к Хэ Сюэчжэню:

— Пускай лицом он и не в тебя, но уродился таким же славным.

Терпение Хэ Сюэчжэня лопнуло. Голос его сорвался на крик:

— Цуй Чжи! Верни ребенка!

Цуй Чжи наконец вскинул взор:

— Хочешь вернуть его? Тогда ступай за мной.

Он развернулся и устремился прочь. Хэ Сюэчжэнь без раздумий бросился следом.

Заметив, что толпа устремилась за ними, Цуй Чжи громогласно предупредил:

— Мне нужен только Хэ Сюэчжэнь! Сделайте хоть шаг вперед — и я разобью этого ублюдка о камни!

Супруги Сыту в ужасе замерли и раскинули руки, преграждая путь остальным заклинателям. Рисковать жизнью младенца они не могли. Воспользовавшись заминкой, Цуй Чжи взмыл на мече в небо. Хэ Сюэчжэнь полетел следом.

Один намеренно сдерживал скорость своего полета, другой мчался на пределе возможностей. Спустя полчаса погони они опустились на дно живописной уединенной долины, укрытой изумрудной травой.

Цуй Чжи взмахом рукава воздвиг защитный барьер. Не сводя глаз с младенца, Хэ Сюэчжэнь глухо потребовал:

— А теперь верни мне дитя.

Цуй Чжи горько усмехнулся:

— Неужели ты и вправду поверил, что я способен его убить?

Хэ Сюэчжэнь ответил ледяным тоном:

— От тебя можно ждать чего угодно.

Цуй Чжи осекся. В груди болезненно укололо — Сюэчжэнь больше не верил ни единому его слову. Он медленно подошел и с величайшей осторожностью переложил сверток в руки юноши.

— Это твой ребенок. Как бы я мог причинить ему вред?

Пусть в жилах младенца не текло ни капли его крови, пусть его отцом был другой человек — дитя все равно оставалось для Цуй Чжи священным. Оно несло в себе частицу его единственного возлюбленного. И как бы ядовитая ревность ни терзала душу, Цуй Чжи никогда не поднял бы на него руку.

Он невольно погрузился в воспоминания, в которых теперь не осталось ничего, кроме раскаяния и горечи.

— В прошлой жизни ты ведь тоже как-то признался, что мечтаешь о нашем общем ребенке... — прошептал Цуй Чжи.

Тогда он испугался трудностей. Вынашивание плода требовало слишком много сил, грозило застоем в медитациях, а то и вовсе потерей прежних духовных достижений. И он оттолкнул Сюэчжэня, отказал ему.

Обладай они тогда общим якорем, возможно, их история не завершилась бы столь трагической гибелью обоих.

Впрочем, дело было не только в ребенке. Судьба раз за разом подкидывала ему шансы все исправить. Он мог чаще дарить Сюэчжэню тепло, мог держаться подальше от Фань Сюэпина, мог защищать возлюбленного перед лицом врагов, заплетать его волосы, делить с ним радость простых путешествий...

Но лед на реке намерзает не за одну ночь. Каждую развилку своего пути он одолел не в ту сторону.

Хэ Сюэчжэнь, забрав младенца, поспешно отступил назад и принялся бережно осматривать его. Убедившись, что кроха цел и невредим, он облегченно выдохнул. Цуй Чжи смотрел на него, и слова, готовые сорваться с губ, застревали в горле.

Ему отчаянно хотелось спросить: «Сюэчжэнь, не хочешь ли ты остаться со мной в этой долине? Мы могли бы вместе растить твоего сына, я дам ему все лучшее, что есть в поднебесной». Но глупо было задавать вопросы, ответ на которые заранее известен.

Это было лишь жалкой, несбыточной иллюзией.

Развернувшись, Хэ Сюэчжэнь приготовился взмыть в воздух, но Цуй Чжи негромко окликнул его:

— Я запечатал это место. Тебе не пробить заслон так просто.

Хэ Сюэчжэнь резко обернулся, его взгляд так и метал молнии:

— Чего еще ты от меня хочешь?

Цуй Чжи покачал головой:

— Я никогда не причиню тебе вреда. Я лишь хочу забрать твой демонический яд. Сюэчжэнь, это мой долг перед тобой. Позволь мне его вернуть.

— Забрать? — Хэ Сюэчжэнь саркастично хмыкнул. — Мой дед, дяди и матушка перерыли все древние свитки, обошли лучших целителей империи, но так и не отыскали спасения. И как же ты собираешься это проверить?

Вдруг в памяти Хэ Сюэчжэня всплыл обрывок воспоминаний из прошлой жизни. Тогда, когда его Первозданные пилюли подходили к концу, он приложил нечеловеческие усилия, чтобы разыскать способ исцеления. И один безумный метод действительно нашелся на задворках Демонических земель.

Спасти отравленного можно было лишь одним путем — если кто-то добровольно примет яд в собственное тело.

Но цена за это была страшной: добровольный спаситель неизбежно подвергался порче и в конце концов полностью обращался в демона.

Хэ Сюэчжэнь пристально посмотрел на Цуй Чжи.

— Отдай этот яд мне, — просто ответил тот.

— Ты хоть понимаешь, на что себя обрекаешь?

Цуй Чжи слабо улыбнулся:

— Не беспокойся. Я ведь Достопочтенный Данььюань. Жалкая демоническая скверна мне не повредит.

Хэ Сюэчжэнь вглядывался в его лицо, силясь понять, действительно ли этот безумец не осознает опасности или просто бахвалится.

— Принять демонический яд — значит переродиться чудовищем! — резко бросил он. — Цуй Чжи, каким бы великим ни было твое мастерство, скверна поглотит тебя без остатка.

Цуй Чжи опешил. Значит, Сюэчжэнь уже сейчас ведал об этом запретном способе?

В прошлой жизни юноша ни словом не обмолвился о подобном выходе. Знай Цуй Чжи об этом раньше, он, не раздумывая, забрал бы всю его боль.

Но теперь ворошить прошлое было бессмысленно.

— Моя судьба тебя волновать не должна, — твердо проговорил Цуй Чжи. — И пускай я стану демоном. Мне плевать.

Хэ Сюэчжэнь поудобнее перехватил младенца и направился к краю барьера, начиная плести разрывающие заклęcia:

— Но я не желаю быть твоим должником.

Цуй Чжи рванулся вслед за ним:

— Сюэчжэнь, если не очистить меридианы, этот яд сожрет тебя изнутри! Первозданные пилюли невероятно сложны в создании, их запасы не бесконечны. Ты не сможешь вечно цепляться за жизнь с их помощью!

Хэ Сюэчжэнь обернулся, его взгляд был прямым и решительным:

— Даже если так. Твоя милость мне не нужна.

Цуй Чжи застыл на месте. Он видел: Сюэчжэнь говорит чистую правду.

Насколько же глубокой должна быть ненависть, чтобы предпочесть смерть его помощи?

Губы Цуй Чжи дрогнули в горькой усмешке. Взмахом руки он развеял заслон, безропотно пропуская юношу вперед.

Удерживая младенца напряженными руками, Хэ Сюэчжэнь поднялся в воздух. На полпути к обителю ему навстречу вылетел поисковый отряд во главе со старейшинами. Завидев целого и невредимого ребенка, заклинатели облегченно загомонили, наперебой осыпая Цуй Чжи проклятиями за его дерзость и наглый нрав. Они принялись расспрашивать юношу о произошедшем, но тот лишь хранил угрюмое молчание. Не проронив ни слова, Хэ Сюэчжэнь поспешил укрыться в своей пещере.

Сыту Ни вместе с Цинхуанем поспешили следом. Наконец воссоединившись в тишине пещеры, все трое смогли перевести дух. Вскоре прибыли и главы семейств. Выслушав рассказ о выходе

Цуй Чжи, Сыту Хэншань скрипнул зубами от ярости, а Чжао Доучун, лично проверив состояние Хэ Сюэчжэня, слегка успокоился.

Глубокой ночью, пока Хэ Сюэчжэнь предавался медитации в уединенном зале, бесшумная тень скользнула под своды пещеры. Незванный гость постоял у порога, долго всматриваясь в силуэт юноши...

Затем тень бесшумно переместилась к спальне Сыту Ни. Тот беззаботно дремал, закинув одну ногу на край детской колыбели. Стоило младенцу захныкать, как Сыту Ни лениво покачивал ступней, баюкая дитя.

Цуй Чжи застыл в изумлении — столь небрежного отношения к новорожденным ему еще видеть не приходилось. Поколебавшись, он шагнул было внутрь, чтобы взглянуть на кроху, но путь ему мгновенно преградил дух меча. Цинхуань со свистом соткался из лезвия клинка.

Цуй Чжи прищурился:

— Ты вернулся к жизни?

Цинхуань ответил ледяным взором:

— Убирайся.

Шорох разбудил Сыту Ни. Увидев, что его дух меча вновь сошелся лицом к лицу с грозным гостем, он мигом растерял остатки сна. Вскочив с ложа, он потянул Цинхуаня на себя и заслонил его спиной, сверля Цуй Чжи сердитым взглядом.

Цуй Чжи недовольно нахмурился:

— Мало того что ты вернул этого ублюдка к жизни, так еще и держишь его в вашей с Сюэчжэнем обители? Видно, прошлый урок не пошел тебе на пользу.

— Чего тебе надо? — прошипел Сыту Ни. — Попробуй только тронуть нас — я сию минуту подниму на ноги Сюэчжэня!

Имя «Сюэчжэнь» подействовало отрезвляюще. Цуй Чжи заставил себя успокоиться. Он явился сюда вовсе не ради очередной расправы. На сей раз ему требовалось содействие.

Сюэчжэнь наотрез отказался принимать помощь, но избавить его от губительного яда было необходимо. А значит, оставался лишь один путь — сделать все втайне от него.

Пораженный тем, как быстро росла сила его бывшего соперника, Хэ Сюэчжэнь в последние дни истязал себя изнурительными тренировками. Но даже выносливости заклинателей есть предел — в конце концов истощение взяло верх, и юноша погрузился в глубокий сон.

Заметив это, Сыту Ни, как они и договаривались, пустил условный сигнал. Вскоре безмолвная фигура Цуй Чжи скользнула в пещеру.

Сыту Ни своими глазами видел, какие муки причиняли Сюэчжэню приступы яда. Всем сердцем желая другу исцеления, он переступил через неприязнь и согласился помочь Цуй Чжи. И все же довериться врагу до конца он не мог — в тайниках пещеры уже ждала засада. Сейчас Сыту Ни отчаянно трусил, боясь, что могущественный заклинатель почует подвох.

Цуй Чжи приблизился к спящему юноше. Взмахом руки он наложил усыпляющее заклятие, погружая его в еще более глубокий сон, после чего сосредоточился и приступил к извлечению скверны.

Сыту Ни не сводил с него напряженного взгляда, стискивая влажные от пота кулаки. Лишь когда край неба окрасился предраассветной серостью, Цуй Чжи наконец опустил руки. Тяжело выдохнув, он бережно уложил спящего Сюэчжэня на постель.

Принятый яд мгновенно дал о себе знать: лицо Цуй Чжи осунулось, а в серебристых прядях волос проступила мертвенная белизна.

Он направился к выходу, и Сыту Ни поплелся за ним след в след. Вдруг Цуй Чжи остановился и, не оборачиваясь, негромко произнес:

— И где же те умельцы, которых ты прячешь в тенях? Вели им выйти. Закончим побыстрее, пока Сюэчжэнь не проснулся.

Сыту Ни похолодел от ужаса.

Хэ Сюэчжэню казалось, будто он спал целую вечность. Когда веки его приоткрылись, комнату уже заливал яркий утренний свет. В спальню зашел Сыту Ни — вид у него был крайне растерянный и нелепый.

— Что стряслось? — зевнув, поинтересовался Хэ Сюэчжэнь. — А-Хэ снова обмочил постель?

Всякий раз, когда младенец устраивал мокрый переполох, лицо Сыту Ни принимало именно такое кислое выражение.

— Нет, им сейчас занимается Цинхуань, — глухо ответил тот.

Причина его скверного настроения была куда мрачнее: все мастера, которых он нанял для засады, до единого погибли от руки Цуй Чжи. Даже ослабленный демонической скверной, этот монстр расправился с ними без малейшего труда. Лишь нежелание расстраивать Хэ Сюэчжэнь спасло самого Сыту Ни от неминуемой смерти.

— Как твоё самочувствие? — вдруг спросил Сыту Ни.

— С чего такие расспросы? — удивился Хэ Сюэчжэнь.

— Ты в последнее время изнуряешь себя тренировками. Демонический яд не беспокоит?

— Эта скверна даёт о себе знать лишь раз в десять лет. В остальное время я её даже не ощущаю. Не переживай, я недавно принял Первозданную пилюлю, так что всё в порядке.

Если бы этот яд проявлял себя постоянно, Цуй Чжи ещё в прошлой жизни заметил бы недуг своего спутника.

— Что ж, хорошо... — пробормотал Сыту Ни.

Похоже, узнать, увенчался ли замысел Цуй Чжи успехом, они смогут лишь через десятилетие.

Тем временем в глубинах Бездны Спокойных Вод Цуй Чжи корчился от невыносимой муки. Зубы его были стиснуты до скрежета, а лоб покрылся крупными каплями холодного пота. Перед Сыту Ни он держался из последних сил, но едва перешагнув порог собственной обители, рухнул на колени. Демонический яд, хлынувший в каналы меридианов, причинял дикую, разрывающую боль.

Собрав остатки воли, он сотворил заклинание холода. Потолок кельи подернулся инеем, и на каменный пол повалили пушистые хлопья. Цуй Чжи сгреб их в ледяную постель и распластался прямо на снегу. Техники Лин Сюэси славились ледяной чистотой — лишь обжигающий мороз и сухой снег могли замедлить бег ядовитой скверны по его телу. Постепенно огонь в груди стал утихать, и дыхание заклинателя выровнялось.

«Так вот каково это... Значит, все эти годы Сюэчжэнь изо дня в день терпел подобную муку?»

Вся та боль, что сейчас выжигала его внутренности, когда-то терзала его любимого. Но теперь Сюэчжэнь свободен. Ему больше не придётся кричать от боли по ночам, его жизни ничто не угрожает. Эта мысль принесла истерзанной раскаянием душе Цуй Чжи слабое, но спасительное утешение.

Слыша сдавленные хрипы и стоны, доносившиеся из глубины зала, слуга в одеждах семьи Цуй бесшумно опустил веки. Спокойным шагом он покинул пределы пещеры и, укрывшись в тених ущелья, пустил условный сигнал для Сыту Хэншаня.

Едва Хэ Сюэчжэнь завершил свою затянувшуюся медитацию, как в его ладонь опустилось послание от Чжао Доучуна. Извещение гласило: клан Сыту поднимает все свои силы, намереваясь раз и навсегда стереть клан Цуй с лица земли.

В былом сражении между Школой Наполненных Созвездий и Даосским дворцом Спокойной Мудрости старейшины Сыту оказали неоценимую помощь. Теперь Чжао Доучун просто не имел права оставаться в стороне.

Хэ Сюэчжэнь тоже не намеревался упускать шанс покончить с заклятым врагом. С тех самых пор, как Цуй Чжи безжалостно оборвал жизнь Сыту Цинхуаня, юноша понимал, насколько опасен этот безумец. Отобрав нескольких сильнейших старейшин и самых способных учеников Школы Наполненных Созвездий, он повел их на битву.

Ледяной пруд

В этот день вековой покой Бездны Спокойных Вод над Ледяным прудом был безжалостно нарушен. После яростной, изнурительной схватки объединенным силам нападающих удалось сковать Цуй Чжи древней формацией, перекрыв ему путь к отступлению в глубины Бездны.

Скверна уже подбиралась к самому сердцу его духовных каналов, удерживая заклинателя на тонкой грани безумия. Каким бы великим ни было его мастерство, против нескончаемых волн свежих противников он устоять не мог.

Заметив, что враг выбивается из сил и пропускает удар за ударом, Сыту Хэншань торжествующе рассмеялся:

— Мой соглядатай не солгал! Этот гордец подорвал свои меридианы во время тренировок. Самое время прикончить его, пока он слаб!

Цуй Чжи сотворил пасс рукой, выпуская Стеклянного Золотого Льва. Взмыв в воздух, фигурка мгновенно разрослась до исполинских размеров и с грозным рыком заслонила своего хозяина от сыплющихся ударов.

Но нападающих было слишком много. Даже яростный духовный зверь не мог сдержать этот натиск — золотые бока льва покрылись глубокими ранами, а сам Цуй Чжи слабел с каждым мгновением.

Стеклянный Золотой лев с ревом ринулся вперед, сцепившись когтями со старейшинами. Уловив этот миг, Хэ Сюэчжэнь бесшумной тенью скользнул мимо зверя, проник внутрь барьера формации и вонзил клинок прямо в грудь Цуй Чжи.

Время словно замедлило свой ход, и даже свист ветра над водой мгновенно затих. Цуй Чжи покачнулся. С трудом удерживая равновесие, он медленно, неверяще повернул голову.

Его затуманивающийся взор встретился с глазами Хэ Сюэчжэня. Демонический яд, добровольно принятый им из чужого тела, уже пожирал его духовное средоточие, но эта боль казалась ничтожной по сравнению с холодной сталью между ребер.

На бледных губах Цуй Чжи появилась слабая, прощальная улыбка. Крупные слезы покатались по его щекам.

— Кто бы мог подумать... — прохрипел он, захлебываясь. — Что самый жестокий удар... я получу от тебя.

Он силился произнести что-то еще, но горлом у него хлынула темная кровь.

Хэ Сюэчжэнь резко выдернул клинок и отступил на шаг. Цуй Чжи провожал его угасающим взглядом. Он потянулся к нему слабеющей рукой, но, лишившись опоры, бессильно рухнул на лед.

Толпа заклинателей с победными криками ринулась к поверженному врагу.

<http://bllate.org/book/18268/1750915>